

Д. О. Половцев, Н. И. Гедрович

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь
e-mail: dzianispol@list.ru*

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ К. ИШЕРВУДА «ПРОЩАЙ, БЕРЛИН»

Городской текст К. Ишервуда в романе «Прощай, Берлин» является связующим звеном между материальной реальностью и духовными ценностями. В романе прозаика город приобретает черты как героев, так и времени, становясь свидетелем определенного исторического момента. К. Ишервуд представляет образ Берлина, который живет по своим собственным законам.

Ключевые слова: К. Ишервуд; роман «Прощай, Берлин»; английская литература; американская литература; модернизм.

D. O. Polovtsev, N. I. Gedrovich

*Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
e-mail: dzianispol@list.ru*

CITY TEXT IN CH. ISHERWOOD'S NOVEL "GOODBYE TO BERLIN»

The city text of Ch. Isherwood in the novel «Goodbye to Berlin» is the link between material reality and spiritual values. In the novel the city acquires the features of both heroes and time, becoming a witness to a certain historical moment. Ch. Isherwood portrays the image of Berlin which lives by its own laws.

Key words: Ch. Isherwood; the novel «Goodbye to Berlin»; English literature; American literature; modernism.

Кристофер Ишервуд (Christopher William Bradshaw Isherwood, 1904, Великобритания – 1986, США) – англо-американский писатель, драматург, сценарист, чье творчество принадлежит одновременно двум культурам и до сих пор – к сожалению – практически неизвестно широкому кругу читателей. Его творческое наследие включает, например, такие произведения как «Все – конспираторы» («All the Conspirators», 1928), «В память» («The Memorial», 1932), «Львы и тени» («Lions and Shadows», 1938), «Прощай, Берлин» («Goodbye to Berlin», 1939), «Фиалка Пратера» («Prater

Violet», 1946), «Мир вечером» («The World in the Evening», 1954) «Одинокий мужчина» («A Single Man», 1964, роман экранизирован Т. Фордом в 2009 году), «Встреча на реке» («A Meeting by the River», 1967), «Кристофер и ему подобные» («Christopher and His Kind», 1976, книга экранизирована Дж. Саксом в 2011 году), «Мой Гуру и его ученик» («My Guru and His Disciple», 1980) и другие.

Основная тема произведений К. Ишервуда – критика британского снобизма. Его первые романы («Все – конспираторы», «Прощай, Берлин» и, например, «В память») также затрагивают и проблемы «потерянного поколения», английской молодежи межвоенных лет; они свидетельствуют о мастерстве К. Ишервуда-рассказчика, его склонности к эксперименту (использованию приемов монтажа, резкой смене точек зрения), а также о даре иронии англофонного прозаика.

Урбанистические образы и мотивы К. Ишервуда представляют авторскую модель видения мира, отражающую новое состояние современной жизни. Город в романе К. Ишервуда предстает и как гигант-мегаполис, средоточение достижений цивилизации начала XX века, «властно царствующий» над миром, и как среда обитания нового класса – «фабричных», и как некий новый макросом: «Фирма Ландауэров располагалась в огромном здании из стекла и стали неподалеку от Потсдамерплатц. Почти четверть часа я пробирался через отделы нижнего белья, верхней одежды, электрических приборов, спортивных товаров и ножевых изделий к особому закулисному миру торговли, к комнате отдыха, в помещение, где заключались сделки, и в личные апартаменты Бернгарда» [1, с. 156].

В творчестве К. Ишервуда городской комплекс трансформируется. Город в бытовых реалиях предстает как мертвенно-механическое начало; жизнь в городе движется по раз и навсегда заведенному порядку. Эта бытовая «механичность» становится отличительной чертой городского топоса К. Ишервуда: «Берлин – город с двумя центрами; один – скопление дорогих отелей, баров, кинотеатров, магазинов вокруг Мемориальной церкви, сияющее пятно света, как фальшивый бриллиант в тусклых сумерках города, другой – чопорный городской центр, с тщательно спланированным архитектурным ансамблем вокруг Унтер-ден-Линден. Построенные по высшему классу международных стандартов, эти здания – слепки со слепков, они утверждают достоинство столицы – парламент, пара музеев, Государственный банк, опера, десяток посольств, Триумфальная арка, ничто не забыто. И все они так помпезны, так чопорны – все, кроме собора, который своей архитектурой выдает вспышку истерии, таящуюся за каждым мрачным серым прусским фасадом. Задавленный нелепым куполом, он на первый взгляд настолько смешон, что невольно ищешь для

него достаточно нелепое название – например, Церковь Непорочного Потребления» [1, с. 186].

В романе «Прощай, Берлин» традиционно «уличные» реалии, которыми наполнено это произведение, обретают в отдельных случаях зловещий оттенок: «Все здесь осталось таким же, как в прошлый раз; только менее зловещим, менее живописным, без символики, выражавшей великую правду о смысле жизни» [1, с. 118]. Все происходящее на улицах столицы напоминает разгул демонических сил: «Вместе с одним прохожим мы первыми бросились к дверям, где лежал молодой человек. Он валялся в углу, как брошенный мешок. Когда его подняли, мне стало дурно – я увидел месиво, в которое превратилось его лицо» [1, с. 200].

Наиболее ярко и полно «городской текст» в романе «Прощай, Берлин» К. Ишервуда представлен в главе «Ландауэры»: во-первых, это некий «абстрактный» город, который наполнен довольно обобщенными образами-символами, например: «город пропитан еврейской заразой» [1, с. 139]; во-вторых, – это современный город: «Взгляните на все большие универмаги: Вертхейм, К.Д.В., Ландауэры. Кто их владельцы?» [1, с. 139].

Городской текст в романе К. Ишервуда «Прощай, Берлин» состоит из мотивов, образов и сюжетов, объединённых большими городами европейской культуры, которые представляются очагами западной цивилизации.

Каждый из этих городов имеет не только великую историю – их названия связаны с различными легендами и преданиями. Именно поэтому, обращаясь к культурно значимым городам, таким как Берлин, Париж и Лондон («А когда уезжали домой в отпуск, всегда присылали мне открытки – из Лондона, Парижа или Баден-Бадена и какие открытки» [1, с. 3]), К. Ишервуд воспроизводит облик того или иного города.

В анализируемом романе возникает особый тип города Берлина – города-тюрьмы, города-застенка: «Холод гонит их с улиц в парк – это жестокое сердце города» [1, с. 186]. Разрушение модели пространства видится том, что его центр и периферия меняются местами: город становится теперь страшным организующим центром, в то время как бывший пространственный центр, главной особенностью которого был образ обжитости, оказывается на периферии: «В это время года холод гонит крестьянских парней в город в поисках пищи и работы» [1, с. 186].

Необходимо отметить, что, с одной стороны, городская среда оказывается родственна герою романа, а, с другой стороны, город становится враждебным началом по отношению к человеку: «За городом, где кончаются уютные бетонные новостройки, а улицы упираются в замерзшие частные сады, начинается прусская равнина. Вечером вы чувствуете, как она обступает вас и наползает на город, как пустыня огромного враждебного океана» [1, с. 185].

Творчество К. Ишервуда вписывается в общую парадигму городских текстов модернистской литературы. Во-первых, город оказывается важнейшей культурной средой обитания человека; во-вторых, городской топос становится «хранилищем» смыслов: «Она попросту вписывается в обстановку по законам природы, как зверь, зимой меняющий шерсть. Тысячи таких, как фрейлейн Шредер, сейчас приноравливаются к новым обстоятельствам. В конце концов правительства приходят и уходят, а они обречены жить в этом городе» [1, с. 206].

Нормой литературных отношений, определившей специфику берлинского периода, стало существование на стыке двух литератур: писатели и поэты могли вести диалог практически не имея никаких препятствий; книги авторов, которые решили не покидать родину, публиковались за рубежом, выбравших эмиграцию – на родине. Тот факт, что первая эмиграция была вынужденной и не предполагалась как способ дальнейшего существования, объясняет устоявшуюся в филологической науке характеристику Берлина как одного из центров, где в начале 1920-х гг. происходила выработка общественных и идеологических позиций [2].

Политические взгляды литературного Берлина значительно различались, что естественно отражалось на поведении художников эмиграции в литературной и общественной жизни: «Политическое и экономическое положение в Германии, – уверенно импровизировал я [Герр Исиву. – Д. П.] учительским тоном, – интересней, чем в любой другой европейской стране. Не считая России, – добавил я в порядке эксперимента» [1, с. 15].

Литературно-эстетические позиции художников эмиграции, сформированные еще до отъезда из их стран пребывания, также в значительной степени определяли характер их общественной и литературной деятельности. В Берлине 1920-х гг. встретились представители самых разных школ и направлений – А. Дёблин, О. Флакке, М. Горький, В. Набоков и др.

Берлинский текст прочно связан с культурным наследием предшествующих эпох, с литературой и художественной культурой Германии. Берлин стал колоссальным текстом для европейской культуры XIX в.

Уже в начале XIX в. Берлин рассматривался как концентрированное выражение немецкой жизни, культуры, национального характера. Берлинский текст формируется как совокупность основных мотивов, сюжетов немецкого искусства, упоминаний о характерных реалиях столичной жизни разных эпох, исторических личностях, романах и общей текстовой ориентации на немецкую столицу: «А, Шекспир! Великолепно! Очень интересно. – У вас есть великолепные переводы Шекспира на немецкий язык» [1, с. 151]; «он взял себе псевдоним, потому что в берлинском полусвете сейчас в моде английские имена» [1, с. 6].

Итак, город в романе К. Ишервуда «Прощай, Берлин» преобразовывает и преобразует среду обитания различными средствами (архитектурой, планировкой и другими способами градостроительства). Город имеет особые свойства и характерные структуры, которые делают его принципиально новой средой человеческого обитания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ишервуд, К. Прощай, Берлин [Электронный ресурс] / К. Ишервуд // Электронная библиотека RuLit. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/proshchaj-berlin-read-231961-1.html>. – Дата доступа: 09.10.2017.
2. Сумароков, П. И. Прогулка за границу / П. И. Сумароков. – СПб., 1821. – 105 с.